

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Т. П. Максимова, Н. Е. Бондаренко

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

В статье рассмотрена специфика трансформационных изменений как в национальной экономике в целом, так и на отраслевых рынках в частности под влиянием пандемии COVID-19. Показано, что наблюдается фундаментальная трансформация потребительского поведения в сторону увеличения спроса на товары, обеспечивающие первичные потребности, что в дальнейшем может привести к формированию новых устойчивых моделей поведения на продовольственном рынке. Это подтверждает необходимость государственного контроля над ценами. Исследование экономических эффектов процессов трансформации структуры потребления продовольственных товаров и их предложения позволили авторам сделать вывод, что в структуре производства и динамике объемов выпуска сельскохозяйственной продукции основная доля принадлежит крупным формам хозяйствования, а также высказать гипотезу о сохранении тенденций укрупнения со стороны предложения. Выявленные авторами тенденции в данной области позволят в дальнейшем создавать альтернативные модели сценарных прогнозов основных трендов развития малых и крупных форм хозяйствования в существующих институциональных условиях. Рассмотрена важность кастомизации видов производимой продукции как одного из факторов устойчивости малых форм хозяйствования.

Ключевые слова: кризис, продовольственные рынки, товары первой необходимости, формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, агрохолдинги.

TRANSFORMATIONAL CHANGES IN DEMAND AND SUPPLY ON FOOD MARKETS DURING COVID-19 PANDEMIC

Tatyana P. Maksimova, Natalia E. Bondarenko

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

The article studies specific features of transformational changes both in national economy in general and on sectoral markets in particular due to COVID-19 pandemic. It is shown that we can observe fundamental transformation of customer behavior towards the increasing demand for goods providing essential needs, which in the future can result in shaping new sustainable behavior models on food market. It proves the necessity to control prices on the part of state. By researching economic effects of transforming the structure of foods consumption and their supply the authors draw a conclusion that the key share in production structure and dynamic of agricultural produce output belongs to big economic forms, they also put forward a hypothesis about keeping the trend towards integration on the part of supply. The trends identified by the authors in the field can give an opportunity to devise in the future alternative models of scenario forecasts of trends in developing small and large economic structures in the effective institutional conditions. The article also studies the importance of product customization as a factor of sustainability of small economic structures.

Keywords: crisis, food markets, essential goods, economic structures, farms, agro-holdings.

Масштаб влияния пандемии COVID-19 на национальную и мировую экономики стал тем не прогнозируемым внешним эффектом, который еще долгие годы останется объектом внимания аналитиков во всех сферах экономической деятельности. Это объясняется тем, что затяжной характер коронавирусной инфекции, выявление ее новых штаммов продолжают оказывать перманентное влияние на неустойчивость макроэкономического развития всех стран без исключения. Комплементарным фактором, генерирующим происходящие процессы турбулентности в национальной экономике в первой половине 2020 г., стало сочетание апробации незнакомых ранее для современной рыночной экономики карантинных мер в большинстве стран с ситуацией неподписания в этот же период соглашения ОПЕК+ по ключевому вопросу о квотах по добыче нефти, что привело к усилению волатильности финансовых рынков. Так, почти сразу после объявления о неподписании соглашения цена нефти Brent обвалилась на 9%, до 45,5 долларов за баррель, а Банк России снизил курс рубля [10]. Данный процесс приобрел эффект цунами по обвалу на рынках, и уже через месяц, по данным американского биржевого оператора CME Group, «фьючерсный контракт на американскую легкую нефть West Texas Intermediate (WTI) с поставкой в мае завершил торговую сессию на отметке минус 37,63 долларов»¹, т. е. впервые в истории фьючерсы на нефть обесценились. В совокупности данные факторы позволили многим отечественным и зарубежным аналитикам высказать мнение о новом мировом экономическом кризисе. Так, например, давая общую оценку указанным событиям, И. Липсиц подчеркнул, что «экономика России и российское общество стоят на пороге кризиса, который может оказаться тяжелее, чем в 90-е годы. Происходящее сейчас сжатие экономики не выглядит как V-образное, U-образное (мед-

ленное восстановление) или L-образное (резкий спад, за которым следует стагнация). Оно, скорее, I-образное – вертикальная линия, демонстрирующая падение финансовых рынков и реальной экономики» [1].

Профессор экономики Нью-Йоркского университета Н. Рубини, один из известных мировых экспертов по вопросам глобальных финансов, подчеркнул, что «идея V-образной модели восстановления абсурдна» и надежды на рост мировой экономики даже при кратковременном периоде влияния мировой пандемии «героически оптимистичны»².

Сложившаяся ситуация находит отражение в определенной трансформации большинства рынков, изменениях в структуре спроса и предложения, отчетливо демонстрируя важность реализации первичных потребностей потребителя – в продовольственных товарах и медицинских услугах. В то же время отрасли, которые не обеспечивают реализацию первичных потребностей, оказались в наиболее уязвимом положении, вплоть до почти полного прекращения своей деятельности на определенный период. Ввиду всеобщего характера локдауна как одного из основных инструментов борьбы с мировой пандемией тотальный кризис охватил все виды деятельности, связанные с индустрией развлечений и туристскими услугами. Поэтому исходя из текущих условий логично формирование новой парадигмы экономического развития для всех экономик мира, включая переосмысление ключевых экономических вопросов.

Учитывая новые вызовы, которые обуславливают формирование новых подходов с позиции концепции мейнстрима неоклассической теории, сохраняется актуальность ответов на следующие вопросы:

1. Что производить?
2. Как производить?
3. Кто будет производить?

¹ URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/04/2020/5e9df3249a79470ff099ae32>

² URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/>

4. Для кого будут произведены товары и услуги в рамках новых ориентиров постковидных условий?

Основными задачами руководства стран в период пандемии являются оценка масштабов последствий для спроса, предложения и торговли на рынках продовольствия и определение наиболее эффективных мер по предотвращению продовольственного кризиса. Эпидемиологические вспышки способны оказывать воздействие на предложение и спрос разными путями. Они могут приводить к сокращению экономически активного населения, в том числе количества сезонных рабочих и мигрантов, что негативно сказывается на обработке полей, севе, выращивании и сборе урожая. Кроме того, в этом случае возрастает дефицит в трудовых ресурсах, отражаясь на деятельности трудоемких отраслей; товарное производство сдает позиции, вынуждая домохозяйства возвращаться к натуральному хозяйству; снижается доходность домохозяйств в сочетании с воспроизводством рисков их продовольственной безопасности.

При этом, по мнению крупных российских исследователей, можно выделить «краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия пандемического кризиса для сельского хозяйства и агропродовольственного рынка» [4. – С. 100]. Так, например, академик А. В. Петриков считает, что краткосрочные факторы проявились уже во время первого периода локдауна весной 2020 г. Среди таких факторов он выделил следующие: «ажитажный спрос на продукты питания в начале пандемии; снижение спроса на продовольствие со стороны гостиничного бизнеса, сферы туризма и общественного питания; сбой в поставках ресурсов и услуг для сельского хозяйства, а также в продовольственных цепочках из-за ограничений в работе транспорта, усложнения логистики, закрытия розничных рынков; закрытие ряда перерабатывающих предприятий с высокой концентрацией работников» и др. [4. – С. 101]. Отдельно следует отметить, что эти

вопросы активно обсуждались в профессиональных сообществах аналитиков, включая Московский академический экономический форум (МАЭФ). Среди детерминантов с более длительным характером влияния выделяются инструменты фискальной политики, включая уменьшение бюджетной поддержки сельского хозяйства и инвестиций в данный сектор, а также снижение общей доходности домохозяйств и рост производственных издержек из-за роста цен на импортные средства производства и материалы в связи с ограничениями экспорта [4. – С. 101]. Среди факторов долгосрочного влияния, отмеченных во время МАЭФ 2020 г., по мнению авторов, можно выделить акцентирование внимания на усилении зеленых трендов и процессах деурбанизации [4. – С. 101]. Во-первых, логично предположить, что всеобщие тренды зеленой экономики будут способствовать трансформации потребительского поведения, все более ориентированного на потребление экологичных товаров, натуральных продуктов питания от производителя. Во-вторых, внешние шоки и трансформация потребительского поведения, безусловно, будут способствовать процессам кастомизации как по группам потребителей, так и по производимым продовольственным товарам. В-третьих, повышенный спрос на экологичную продукцию может стать определенным импульсом для развития малого бизнеса в аграрном секторе национальной экономики, так как в соответствии с общими закономерностями рыночной экономики малый и средний бизнес наиболее чутко и оперативно реагирует на изменение спроса.

В сфере аграрной экономики малый бизнес представлен крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и хозяйствами населения. Однако при отсутствии необходимых институциональных условий для развития малого бизнеса, включая обеспечение равных условий конкуренции, при сценарном прогнозировании, по убеждению авторов, сохраняется неопределенность.

Вместе с тем, поддерживая точку зрения А. В. Петрикова о процессах деурбанизации в качестве «более равномерного распределения населения по территории страны для снижения рисков эпидемий и других чрезвычайных ситуаций», можно высказать предположение и о возможном ее влиянии на демографическую ситуацию в сельских поселениях (самые оптимистические сценарные сюжеты долгосрочного влияния) [4. – С. 101].

Продолжая анализ факторов возможной трансформации потребительского поведения, следует также учесть очевидность сохранения устойчивого неэластичного спроса на продовольственные товары, которые обеспечивают реализацию первичных потребностей для сохранения жизнедеятельности людей. Собственно, данными обстоятельствами и был обусловлен эффект ажиотажного спроса на продовольственные товары в первые дни всеобщего локдауна. Следствием такого спроса стал скачок цен на отдельные группы товаров. Так, например, индексы цен на лимоны выросли на 250%; на лук репчатый – на 49,9%; чеснок – на 25,7; морковь – на 17,1%. В этот период появились и вошли в оборот такие термины, как «вирусный

спрос» и «эффект гречки», причем последнее словосочетание за два года стало сленговым определением проявления эффекта внезапного масштабного ажиотажного спроса на разные группы товаров. Вместе с тем под влиянием шоков мировой пандемии первенство влияния ценового фактора занимает эмоция страха, которая постепенно приводит к трансформации всей модели потребительского поведения, когда потребители готовы отказаться от своих устойчивых потребительских привычек в пользу обеспечения первичных потребностей запасами продовольственных товаров. В итоге в период карантина в марте 2020 г. в топ спроса вошли такие товары, как мука, гречка, макароны, рис, пельмени, сахар, мясные консервы. Например, продажи гречки выросли на 66% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.; риса – на 64%; сахара – на 56%; мясных консервов – на 54%; остальных круп – на 38% [8].

Такой стремительный всплеск спроса особенно интересен в исследовательском плане, учитывая, что потребление макарон, круп, сахара в последние годы не увеличивалось (таблица).

Потребление основных продуктов питания с 1990 по 2020 г.* (в кг на душу населения)

	1990	2000	2010	2020	Динамика изменения 2020 к 1990, %
Картофель	106	109	95	86	-18,9
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	89	79	98	107	+20,2
Мясо и мясопродукты	75	45	69	76	+1,3
Молоко и молочные продукты	387	215	245	240	-38
Яйцо, шт.	297	229	270	283	-5
Рыба и рыбопродукты	47	35	-	20,0	-67,5
Хлеб, мука макаронные изделия, крупа	120	117	120	116	-3,6
Фрукты и ягоды	35	32	57	61	+74
Сахар	47	35	39	39	-17,1
Масло растительное	10,2	9,9	13,4	13,9	+36,2

* Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

Более того, потребление картофеля сократилось за последние десять лет с 95 до 86 кг на душу населения, а с 1990 г. снизи-

лось на 19%. Эти тенденции с позиции экономической теории можно рассматривать как косвенный признак повышения

качества жизни населения, учитывая, что исторически картофель относится к так называемым товарам Гиффена в общей структуре потребительской корзины. Аналогичные тенденции сокращения потребления наблюдаются по хлебу и хлебным изделиям (макароны, крупы, мука) – со 120 до 116 кг на душу населения. Однако в относительных показателях по хлебу и хлебным продуктам данные изменения незначительные, особенно если сравнивать десятилетия – 1990–2000 и 2010–2020 гг. Сохранение устойчивого спроса на данную группу товаров в указанные временные интервалы также подтверждает основные тезисы экономической теории о низкой эластичности спроса на хлеб и хлебные продукты.

Важно обратить внимание и на то, что по потреблению отдельных групп товаров наблюдался очевидный рост. В частности, потребление растительного масла увеличилось более чем на треть. Поэтому контроль за розничными ценами со стороны государственных институтов на рассмотренные продовольственные товары можно считать в данный период обоснованным, несмотря на критику со стороны сторонников неоклассического направления по вопросам вмешательства государства в механизм рыночного ценообразования. Непопулярные меры по контролю за ценами со стороны государства можно объяснить и важностью недопустимости социального напряжения в экономической системе, так как, по данным официальной статистики, индекс потребительской уверенности в 2020 г. снизился на 15 процентных пунктов и еще на 21 процентный пункт наблюдалось снижение данного индекса в 2021 г. за первые три квартала, т. е. еще до объявления так называемой четвертой волны пандемии.

Вместе с тем сравнительная характеристика спроса на основные продовольственные товары, входящие в потребительскую корзину, свидетельствуют о высокой доле картофеля, яиц, хлеба и хлебных

продуктов, молока и молочных продуктов (рисунк).

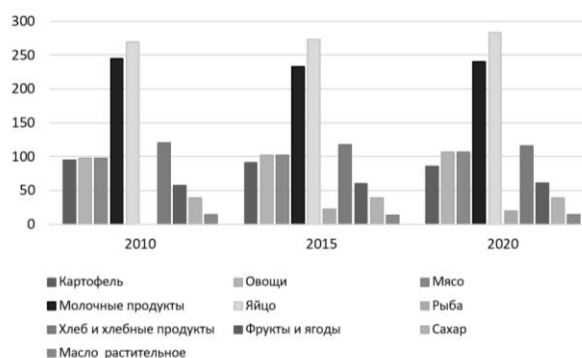

Рис. Сравнительная характеристика потребления основных продуктов питания с 2010 по 2020 г. (в кг на душу населения)

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики.

Поскольку в современных условиях на фоне снижения доходов населения достичь состояния рыночного равновесия достаточно сложно, становится обоснованным использование подходов методологии институционального анализа для поиска ответов на ключевые вопросы обеспечения продовольственной безопасности, качества производимой продукции, а также доступности к такой продукции всех категорий граждан. Ответы на данные вопросы позволят определить оптимальный вектор экономической политики со стороны государственных институтов по отношению не только к потребителям, но и основным субъектам производства продовольственных товаров – малым и крупным формам хозяйствования в агропромышленной сфере. При этом важно обратить внимание на то, что предложение рассмотренных видов товаров обеспечивается в большинстве случаев (за исключением картофеля) крупными формами хозяйствования. Более того, по существующим оценкам, основная доля в структуре производства сельскохозяйственной продукции (58%) принадлежит именно им или, иными словами, крупному бизнесу в лице агрохолдингов. Около 30% в структуре производ-

ства приходится на хозяйства населения, включая личные подсобные хозяйства, и только 14% производства – на крестьянские (фермерские) хозяйства.

Высокий удельный вес фирм отрасли (в лице которых и выступают разные формы хозяйствования) согласно основным постулатам теории рыночной экономики является косвенным признаком концентрации производства и олигополизации на рынках продовольственной продукции. Отсюда, как бы это не нравилось сторонникам невмешательства государства в рыночный механизм, контроль за ценами на продовольственные товары с неэластичным спросом также является еще одним обоснованием с позиции экономической теории. Для малых форм хозяйствования одной из основных сложностей в данном вопросе является то, что для них сохраняются барьеры для выхода на массового потребителя при реализации произведенной продукции. В этой связи отчетливо просматривается один из критериев дуалистического характера развития малых и крупных форм хозяйствования – кастомизация потребительского спроса и производимой продукции. Ситуация, связанная с мировой пандемией, позволила сфокусировать внимание на этих вопросах более отчетливо. В частности, становится очевидным, что происходит трансформация потребительского поведения в сторону органической или экологичной продукции как одного из факторов сохранения качества жизни. Эти вопросы стали объектом внимания Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, выпустившей инструкции о важности здорового питания в период пандемии, которые можно рассматривать в качестве косвенного сигнала на мировые запросы для производителей [5].

Исторически на производство такой продукции ориентированы малые формы хозяйствования. Вместе с тем следует учитывать, что такого рода продовольственная продукция изначально имеет большую себестоимость и будет пользоваться повы-

шенным спросом у потребителей с высоким уровнем дохода. Учитывая общие тенденции в снижении уровня доходов потребителей, следует ожидать устойчивость спроса на продовольственную продукцию с более низкой себестоимостью, которая, как правило, ввиду эффекта масштаба обеспечивается крупными формами хозяйствования, в частности агрохолдингами.

Сравнительный экономический анализ индексов производства сельского хозяйства за последние два десятилетия свидетельствует об опережающих темпах роста крестьянских (фермерских) хозяйств по сравнению с остальными хозяйствующими субъектами. Однако для всех форм хозяйствования, которые испытывают потребность в современном оборудовании и новых технологиях, характерны периодические периоды общего спада. В отдельные периоды эти точки спада можно объяснить рядом природно-климатических факторов, как, например, аномальной засухой в 2020 г. В другие периоды могут доминировать и факторы внешних шоков, как это было в 2020 г. Но по сравнению с остальными отраслями агропромышленный сектор показал минимальный рост – на 3 процентных пункта.

Важно отметить, что в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в качестве приоритетных целей поставлена задача «достижения индекса производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в 2030 году в объеме 114,6% по отношению к уровню 2020 года, а пищевых продуктов – в объеме 114,7%»¹. В качестве ключевых ориентиров развития в рамках Государственной программы называется развитие субъектов малого предпринимательства в агропромышленной сфере, хотя дуалистический подход при определении траекторий трансформации хозяйствующих субъектов, обеспечивающих предложение на

¹ URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/programs/program-2013-2020/>

продовольственных рынках и определение векторов развития малых и крупных форм хозяйствования, как правило, закладывается со стороны самих же государственных институтов. Так, одновременно с выделением ключевых ориентиров в Государственной программе на развитие малых форм хозяйствования Министерством сельского хозяйства Российской Федерации в конце 2020 г. утвержден перечень 87 системообразующих организаций агропромышленного комплекса (АПК). Совершенно очевидно, что большую часть этих предприятий составляют крупные агрохолдинги с юридическим статусом ООО, ОАО, ЗАО, АО [3].

Для сравнения: согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года, в системе российского АПК было представлено 36,1 тыс. сельскохозяйственных организаций, 174,8 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств (78%) и индивидуальных предпринимателей (22%), 23,5 млн личных подсобных и других индивидуальных хозяйств. В 2021 г. список системообразующих предприятий был обновлен, однако ситуация принципиально не изменилась. Минсельхозом выделено 80 системообразующих предприятий в растениеводстве и животноводстве и еще семь – в рыболовстве [3]. 88-м системообразующим предприятием в первом и втором случаях выступает АО «Росагролизинг». Причем все эти компании представлены как головные или управляющие, в состав которых входит от 10 до 30 крупных форм хозяйствования, т. е. все те же агрохолдинги или крупные агрокорпорации.

Совершенно очевидно, что подобные процессы концентрации, поддерживаемые со стороны государства путем официального закрепления статуса системообразующих предприятий, будут оказывать влияние на определение общих трендов раз-

вития сельского хозяйства в системе национальной экономики и дальнейшей трансформации форм хозяйствования. Логично предположить, что вряд ли среди этих хозяйствующих субъектов (которые в официальной статистике будут выделены как сельскохозяйственные объединения), находящихся в собственности под единым началом, будет конкуренция. В этом случае очень велика вероятность, что вся деятельность таких хозяйствующих субъектов стратегически планируется и контролируется. С другой стороны, подобные процессы концентрации, поддерживаемые государственными институтами в виде официального закрепления статуса системообразующих предприятий, будут оказывать влияние на стратегическое планирование объемов предложения. Поэтому при выработке экономической политики со стороны государственных институтов важно, во-первых, учитывать баланс интересов как со стороны потребителей, которые предъявляют спрос на продовольственные товары, так и со стороны производителей, которые обеспечивают предложение на рынках продовольственных товаров; во-вторых, понимать, что факторы спроса детерминированы в последние два года специфическими эффектами мировой пандемии; в-третьих, способствовать гармонизации интересов малых и крупных форм хозяйствования, поскольку чем выше будет концентрация и олигополизация на продовольственных рынках, тем меньше будет условий для конкуренции. Это в конечном итоге может привести к трансформации всей системы рыночной экономики и сложностям в реализации общих стратегических целей, которые заложены в решении вопросов не только продовольственной безопасности, но и долгосрочных ориентиров по повышению качества жизни населения.

Список литературы

1. Липсиц И. Этот кризис может оказаться тяжелее, чем в 90-е годы... – URL: <https://newizv.ru/article/general/08-04-2020/igor-lipsits-etot-krizis-mozhet-okazatsya-tyazheleechem-v-90-e-gody> (дата обращения: 05.11.2020).

2. Максимова Т. П. Экономические эффекты, особенности и возможные тренды трансформации форм хозяйствования в системе АПК в условиях современных вызовов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230. – № 4. – С. 303–309.
3. Перечень системообразующих организаций АПК. – URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/departments/> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Петриков А. В. Адаптация агропродовольственного сектора к постпандемической реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 223. – № 3. – С. 99–105.
5. Поддержание здорового питания в период пандемии COVID-19. Рекомендации ФАО. – URL: <https://www.fao.org/3/ca8380ru/ca8380ru.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
6. Полякова В. Глава МВФ заявила об остановке мировой экономики. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/04/2020/5e8787ba9a794735cc3eb76e> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Пятин А. «Худшее впереди»: предсказавший кризис экономист назвал 4 заблуждения о коронавирусе. – URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/> (дата обращения: 11.01.2022).
8. Сухорукова Е. Товары вирусного спроса. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/> (дата обращения: 20.12.2021).
9. Ткачев И., Подобедова Л. Цена нефти впервые в истории упала ниже нуля. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 20.12.2021).
10. Фадеева А. Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/0> (дата обращения: 20.12.2021).
11. COVID-19 global economic recession: Avoiding hunger must be at the center of the economic stimulus. FAO. 2020. – URL: doi.org/10.4060/ca8800en (дата обращения: 26.01.2022).

References

1. Lipsits I. Etot krizis mozhet okazatsya tyazhelee, chem v 90-e gody... [This Crisis Can be Harder than that in the 90-s]. (In Russ.). Available at: <https://newizv.ru/article/general/08-04-2020/igor-lipsits-etot-krizis-mozhet-okazatsya-tyazhelee-chem-v-90-e-gody> (accessed 05.11.2020).
2. Maksimova T. P. Ekonomicheskie efekty, osobennosti i vozmozhnye trendy transformatsii form khozyaystvovaniya v sisteme APK v usloviyakh sovremennykh vyzovov [Economic Effects, Specific Features and Possible Trends in Transformation of Economic Structures in the Agro-Industrial Complex in the Time of Current Challenges]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Academic works of the Free Economic Society of Russia], 2021, Vol. 230, No. 4, pp. 303–309. (In Russ.).
3. Perechen sistemoobrazuyushchikh organizatsiy APK [The List of System-Building Organizations of the Agro-Industrial Complex]. (In Russ.). Available at: <https://mcx.gov.ru/ministry/departments/> (accessed 25.10.2021).
4. Petrikov A. V. Adaptatsiya agroprodovolstvennogo sektora k postpandemicheskoy realnosti [Adaptation of the Agro-Food Sector to Post-Pandemic Reality]. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Adaptation of the Agro-Food Sector to Post-Pandemic Reality], 2020, Vol. 223, No. 3, pp. 99–105. (In Russ.).
5. Podderzhanie zdorovogo pitaniya v period pandemii COVID-19. Rekomendatsii FAO [Providing Healthy Nutrition during COVID-19 Pandemic. FAO Recommendations]. (In Russ.). Available at: <https://www.fao.org/3/ca8380ru/ca8380ru.pdf> (accessed 10.01.2022).

6. Polyakova V. Glava MVF zayavila ob ostanovke mirovoy ekonomiki [The WMF Head Declared Halt in Global Economy]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/03/04/2020/5e8787ba9a794735cc3eb76e> (accessed 10.01.2022).
7. Pyatin A. «Khudshee vpered»: predskazavshiy krizis ekonomist nazval 4 zabluzhdeniya o koronavirusе [‘The Worst is still in Store for Us’: Economist who Forecast the Crisis Identified 4 Delusions about Corona Virus]. (In Russ.). Available at: <https://www.forbes.ru/newsroom/finansy-i-investicii/> (accessed 11.01.2022).
8. Sukhorukova E. Tovary virusnogo sprosa [Goods of Virus Demand]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/> (accessed 20.12.2021).
9. Tkachev I., Podobedova L. Tsena nefti vpervye v istorii upala nizhe nulya [The Oil Price Dropped below Zero for the First Time in History]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/> (accessed 20.12.2021).
10. Fadeeva A. Neftyanaya sdelka Rossii i OPEK razvalilas [The Oil Deal of Russia and OPEC is Broken]. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/0> (accessed 20.12.2021).
11. COVID-19 global economic recession: Avoiding hunger must be at the center of the economic stimulus. FAO. 2020. Available at: doi.org/10.4060/ca8800en (accessed 26.01.2022).

Сведения об авторах

Татьяна Павловна Максимова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Maksimiva.TP@rea.ru

Наталья Евгеньевна Бондаренко

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Bondarenko.NE@rea.ru

Information about the authors

Tatyana P. Maksimova

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economic Theory
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Maksimiva.TP@rea.ru

Natalia E. Bondarenko

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economic Theory
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997,
Russian Federation.
E-mail: Bondarenko.NE@rea.ru